

Актеры и роли

Грибов—Хлынов

Россия Островского. Узедный Калинов. Здесь вышивала по бархату золотом Катерина, здесь она и погибла. Здесь же страдает Параша, с проклятием покидающая отчий дом. Город-тюрьма. Город-кладбище, где под крышками домов-гробов ели поедом домочадцев Курослеповы и творили домо-строевского правосудие Градобоевы. «Жестокое, сударь, нравы в нашем городе».

Тихо, грустно и пустынно. Вот арестантов сводили за водой, вот городничий сходил на базар. И снова тихо и безлюдно на городской площади на выезде.

И вдруг откуда ни возьмись захватская песня. Что это сон, мираж? Нет, это едет Хлынов с его «наррродом». Вот лодка остановилась у пристани, и на берег, точно на необитаемый остров колонизаторы, поддерживая друг друга, вышли два человека. Один — среднего роста, склонный к полноте, другой — худой, долговязый, с естественно большими усами. Первого авали Хлынов, второму Островский не дал фамилии вовсе, наделив его лишь достопримечательными усами. У того, что поменьше, — необыкновенный вид. Он то ли после драки, то ли после попойки, дивившейся несколько суток, — голова не покрыта, пиджака нет, жилет растегнут, запонки потеряны, и манжеты, круглые, накрахмаленные, нелепо болтаются вокруг рук в перстнях. Рыжие волосы валохмачены, борода тоже, на груди и животе навешаны медали. Хлынов, сойдя на берег, дирижирует хором гребцов-песенников и пускается в пляс перед городничим и Курослеповым...

Зрители, собравшиеся смотреть «Горячее сердце», аплодируют среди действия.

Хлынова играет Грибов, талантливый актер, имя которого стало особенно звучать после роли Фрола Ваева, сыгранной им в «Земле».

Грибов играет Хлынова с виртуозной техникой, огромным темпераментом и подъемом. Самый театральный, самый трудный и самый противоречивый из всех образов Островского раскрыт им с предельной точностью и глубиной.

Как это смело, ярко, убедительно и сценически обаятельно.

У артиста хороший «московский говор», столь необходимый для Островского.

При встрече с городничим Хлынов, как всегда, чудит, озорничает, грозит и задаривает. Однако он не из тех старых самодуров, которые боится начальства. Грибов подчеркивает, что Хлынов знает цену всем — и губернатору, и его супруге, и тем более городничему. Всех их он уже не раз покупал и при случае, при нужде, купит еще раз. «Доведись мне какое безобразие сделать, я ту ж минуту в губернию, к самому. Первое мне слово от их превосходительства: — Ты, Хлынов, безобразничаешь много! — Безобразничаю, ваше превосходительство, потому такое наше воспитание, биты много, а толку никакого. Наслышан я насчет пожарной команды, починки и поправки требуются, так могу безвозмездно. — Да, говорят, ты права очень буйного? — Буйного, ваше превосходительство, сам своему праву не рад, зверь зверем. Да и арестантские тоже плохи, ваше превосходительство. Что хорошего, арестанты разбегутся? Так я тоже могу безвозмездно. Вот вам, господин полковник, наша политика! Да это еще не все. От самого-то да к самой. — Не угодно ли, матушка, ваше превосходительство, я дом в городе выстрою, да на сирот пожертвую? Ну, и выходит, господин полковник, что значит городничим со мной сориться барыш не велик».

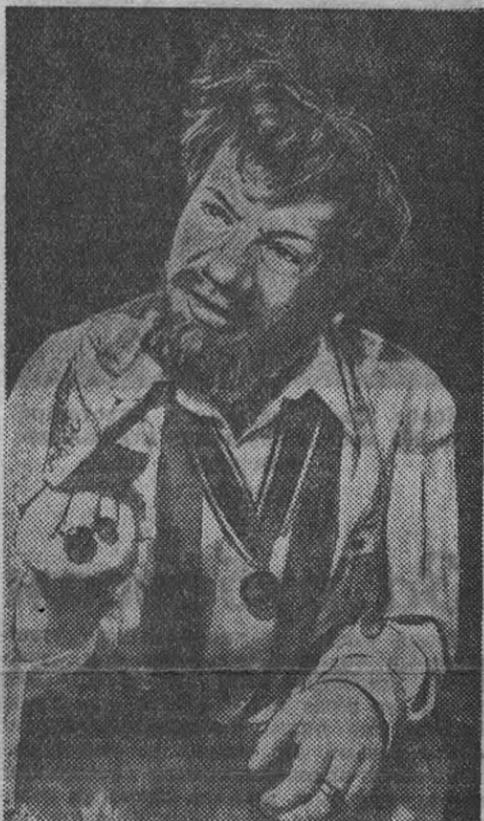
С барином Хлынов ласков. Знает, что он нахлебник, приживал, но бережет его как собутыльника, как шута при своем пыльном дворе.

— Барин, — нежно говорит Хлынов — Грибов, — и осторожно дотрагивается до него, как до музейного экспоната, боясь, что он рассыплется. Хлынов смотрит на него, как на диковинную птицу, обреченную на вымирание всей породой. Этот барин состоит при нем в адъютантах, у другого барина, Хватского, тоже разорившегося, он покупает театральные костюмы, у третьего еще

что-то... Хлынов чувствует, что купеческая машина поглощает дворянское владычество.

У Хлынова был прототип — миллионер-подрядчик Хлудов. Разница между ними только в том, что Хлудов куралесил в Москве, Хлынова же Островский ограничил узедным масштабом.

Хлынов — безудержный кутила, гаер. У него «горячее сердце» и крутой нрав. Хлынов нажил на поставках миллионы и не знает, что с ними делать. Положить ли

Московский ордена Ленина художественный академический театр СССР имени М. Горького. «Горячее сердце».

А. Н. Грибов в роли Хлынова

Фото ШИНГАРЕВА

деньги в банк и стричь купоны или открыть в Калинове винокуренный завод. Благотельствовать или карать. Островский не дает ему положительной программы действий. Что у него впереди? Белая горячка, опека или смерть от руки какой-нибудь невички из ярмарочного хора, которая, польстившись на миллионы, задупит его пьяного шувроком от корсета... Такая «бесперспективность» вызывала у Хлынова частенько припадочки хандры и меланхолии. Злейший враг Хлынова — скука. Больше всего боится он одиночества. Когда городничий и Курослепов, после шумной пьянки, уезжают от него, он плачет пьяными слезами. «Уехали, говорит он барину, ну вот что я теперь, братец ты мой, остался? С тоски помирать мне надобно из-за своего-то капитала! Что мне делать сегодня вечером?».

В этой сцене Грибов, обнажая путаную пьяную психологию Хлынова, достигает огромных творческих высот.

В 1926 г., когда появился этот изумительный спектакль, созданный режиссерским гением К. С. Станиславского, Грибов играл в нем роль Сидоренко, и ничто, казалось, не предвещало столь изумительной метаморфозы. В Художественном театре есть замечательное правило — любому актеру труппы разрешается готовить и показать режиссуре любую репертуарную роль. Однако до зрителя эти новые исполнители доходят реже, чем следовало бы. Не будь столь строгого «фильтра», может и Грибову не понадобилось бы 12 лет для того, чтобы на Сидоренку превратиться в Хлынова.

ВИКТОР ЭРМАНС